

Научная статья
УДК 347.113
doi: 10.17223/22253513/47/13

Дефекты реализации защиты прав, нарушенных в информационном пространстве

Полина Дмитриевна Портянова¹

¹ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, ivapola@mail.ru

Аннотация. Проанализирована дискретность права, реализуемого в информационном пространстве. Рассмотрены дефекты реализации права на защиту ряда благ: невозможность инициировать ограничение доступа к источнику в случае признания размещенной на нем информации порочащей и недостоверной в порядке особого производства; отсутствие единообразия толкования критерия «общественный интерес» при реализации права на забвение в отношении неактуальной информации и информации, утратившей значение для заявителя.

Ключевые слова: дефект реализации права, дискретность законодательства, информационное пространство, деловая репутация

Для цитирования: Портянова П.Д. Дефекты реализации защиты прав, нарушенных в информационном пространстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47. С. 190–199. doi: 10.17223/22253513/47/13

Original article
doi: 10.17223/22253513/47/13

Defects in the implementation of the protection of rights violated in the information space

Polina D. Portyanova¹

¹ South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, ivapola@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the identification and search for ways to resolve the discreteness of the law governing relations in the information space, and its implementation. System-structural analysis, the logical method made it possible to identify ways to resolve such discreteness. It can be overcome by using the analogy of law, which makes it possible to ensure the functioning of the legal system in the absence of the necessary norm-regulator. The elimination of discreteness involves making the necessary changes to the current legislation.

As examples of the analyzed discreteness of law, defects in legislation and the implementation of the following rights in the information space are considered: the right to protect honor, dignity and business reputation and the right to be forgotten.

In the first case, we are talking about the impossibility of initiating the restriction of access to the source in which the information recognized by the court as discrediting and unreliable was placed, if such a decision was made in the manner of a special proceeding.

It is concluded that overcoming this defect is possible in two ways: the first is the application of the right to be forgotten, the second is the statement of the requirement to recognize the source that disseminated false defamatory information to be included in a single automated information system.

It is concluded that overcoming a defect is a temporary and forced measure, and the ultimate goal of the legislator is to eliminate the defect.

Two ways to eliminate the described defect are proposed. First: the introduction of mandatory registration of an information source, if we are talking about a resource on the Internet, then - its national domain, in domestic specialized systems. Second: elimination of the defect by amending article 152 of the Civil Code of the Russian Federation and clause 5 of article 15.1 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection". Namely, the inclusion in these articles of a new basis for restricting access to an information source: the entry into force of a judicial act issued in a special proceeding on recognizing the disseminated information as unreliable and discrediting.

It was proposed to secure the right to refute widespread information if the court determines that the information gives the reader the impression that the circumstances described in the disputed material actually took place.

The second considered defect in the implementation of the right is the lack of uniformity in the interpretation of the "public interest" and, as a result, the lack of uniformity in the practice of applying the right to be forgotten.

It is proposed to legislatively formulate the definition of the criterion of "public interest" for the purposes of exercising the right to be forgotten in relation to irrelevant information and information that has lost its significance for the applicant.

Keywords: defect in the implementation of law, discreteness of legislation, information space, business reputation

For citation: Portyanova, P.D. (2023) Defects in the implementation of the protection of rights violated in the information space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 47. pp. 190–199. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/47/12

Одним из наиболее распространенных дефектов гражданского законодательства является пробел в праве, используемый в его широком значении. Бесспорно, возникновение данного дефекта часто связано с возникновением новых общественных отношений, правовое регулирование которых либо еще не создано, либо уже не отвечает требованиям объективной действительности в своей последней редакции.

Результатом появления названного дефекта гражданского законодательства становится невозможность реализовать закрепленные принципы, в том числе принципы гражданско-правовой защиты. Такое состояние законодательства может быть названо дискретным, при условии определения дискретности законодательства как такого его состояния, при котором имеет место разрыв законодательной канвы, обуславливающий невозможность системной реализации права, прерывистость преемства предшествующих и вновь принятых законодательных установлений.

Преодоление обозначенной формы дискретности законодательства за счет использования аналогии права и закона – временная мера, позволяющая обеспечить функционирование правовой системы. При этом наличие возможности подобного функционирования не отменяет необходимости

устранения выявленной дискретности. Устранение дискретности законодательства в указанном случае достигается благодаря принятию правовой нормы или их комплекса, позволяющих регулировать новые правоотношения без обращения к аналогии права и закона.

Защита гражданских, предпринимательских прав в информационном пространстве – одно из актуальнейших направлений современной научной мысли. Относительная новизна правоотношений, складывающихся в процессе эксплуатации сети Интернет и иных источников, которые также можно квалифицировать как каналы информационного взаимодействия между субъектами права, является первопричиной возникновения дискретности законодательства, регулирующего данные правоотношения.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о пределах ограничения конституционного права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (право на свободу слова). Ограничение данного права в числе прочего вызвано необходимостью обеспечить право на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

Задачей законодателя в описанном случае является четкое определение той границы, до которой обеспечение соблюдения каждой из названных гарантий является допустимым, а при каких условиях становится чрезмерным и посягает на соблюдение второго права. Подобная задача реализует главную цель – поиск баланса между интересами субъектов, между правами, которые не являются абсолютными и неизбежно должны быть ограничены в процессе их реализации.

Осветим ряд законодательных дефектов, устранение которых послужит достижению обозначенной выше цели.

Первый дефект реализации защиты права, нарушенного в информационном пространстве, вызван дефектом законодательства в области регулирования соответствующих правоотношений – отсутствием механизма, позволяющего инициировать блокировку интернет-ресурса, сведения об администраторе которого доступными средствами получить не удастся. Наличие соответствующей законодательной возможности необходимо по следующим причинам.

Право на защиту чести, достоинства и деловой репутации закреплено в ст. 152 ГК РФ. В случае распространения порочащих сведений о лице в сети Интернет применяются, как правило, способы защиты, указанные в ч. 5 названной статьи: удаление соответствующей информации, а также опровержение указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет.

Однако самым действенным является способ, предусмотренный пп. 3 п. 5 ст. 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее – ФЗ «Об информации»), согласно которому Роскомнадзор на основании постановления судебного пристава-исполнителя может ограничить доступ к информации, распространяемой в сети Интернет, порочащей честь, достоин-

ство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица.

Данный способ особенно интересен юридическим лицам и предпринимателям, поскольку деловая репутация лица – нематериальный актив, ценность которого при условии осуществления ее обладателем экономической деятельности на практике преобразуется в материальную выгоду.

При этом вопрос об установлении лица, являющегося надлежащим ответчиком по делу о защите чести достоинства и деловой репутации, разрешается в соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3¹, в котором указано, что если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации, то надлежащими ответчиками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. В случае если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика может быть привлечен учредитель данного средства массовой информации. В судебной практике данное положение применяется по аналогии к администраторам интернет-сайтов, не зарегистрированным в качестве СМИ.

Указанные ранее способы защиты и мера ответственности распространителя порочащей информации реализуемы в случае, когда возможно установить ответчика: одно из лиц, указанных в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3. В этом случае иск рассматривается в порядке общего производства, в последующем выдается исполнительный лист к решению, пристав-исполнитель контролирует исполнение и имеет возможность в числе прочего вынести постановление об ограничении доступа к конкретной информации.

Описанный механизм не работает, когда в отношении интернет-ресурса невозможно получить достоверную информацию не только об авторе спорного материала, но и об администраторе интернет-сайта. Данная ситуация возникает довольно часто, так как огромное количество сайтов зарегистрировано у иностранных регистраторов и не получало статуса СМИ в соответствии с предусмотренным для нашей страны порядком. Информация о регистраторах доменов, которую можно получить в свободном доступе, не содержит данных, которые позволили бы определить распространителя порочащей недостоверной информации. Иностранные лица, у которых необходимые данные имеются, не предоставляют ее даже по запросу компетентных органов.

Фактически информацию, размещенную в подобном источнике (при условии, что суд признает объективно невозможным установить распространителя информации) можно сравнить с надписью на стене дома, выполненной злоумышленником. И то и другое следует квалифицировать как анонимный источник. Разница состоит в том, что в первом случае надпись

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

можно закрасить, а на недобросовестный сайт повлиять своими силами без обращения к органам, способным осуществить его блокировку, невозможно.

В результате распространения порочащих сведений в анонимном источнике способы защиты нарушенного права значительно ограничены: остается лишь требовать признания распространенных сведений не соответствующими действительности на основании п. 8 ст. 152 Гражданского кодекса РФ.

Такое заявление, в соответствии с прямым на то указанием в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3, рассматривается в порядке особого производства (подраздел IV Гражданского кодекса РФ). По завершении данного производства судебный лист не изготавливается, поскольку отсутствует обязанное лицо.

Также вынесенный судебный акт не свидетельствует об отнесении сведений к категории информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Последний вывод следует из материалов судебной практики, например из Апелляционного определения Московского городского суда от 14.09.2017 по делу № 33-29191/2017.

Все указанное, в свою очередь, означает, что судебный пристав-исполнитель не имеет правовых оснований для направления ресурсу-нарушителю требования о прекращении нарушения и не может вынести постановление об ограничении доступа к интернет-ресурсу, а у Роскомнадзора отсутствует законное основание для осуществления такого ограничения. В результате истец получает решение о признании сведений недостоверными и порочащими, однако факт вынесения данного решения не пресекает длящееся нарушение.

Существует ряд судебных актов, в которых удовлетворены требования заявителей о признании сайтов, распространивших недостоверные порочащие сведения, подлежащими включению в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети “Интернет” и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети “Интернет”, содержащие информацию, распространение в которой в РФ запрещено. Например, решение Одинцовского городского суда Московской области от 4 июля 2018 г. по делу № 2-6037/2018 [7].

Однако существование подобной судебной практики – скорее демонстрация попытки преодолеть имеющий место дефект законодательства, что не отменяет необходимости его устранения. Интересно, что на фоне существования описанного дефекта законодатель проводит работу по совершенствованию механизма привлечения к ответственности за незаконную блокировку в цифровой среде.

Так, в Плане мероприятий («дорожной карте») реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности «Трансформация делового климата» «Интеллектуальная собственность», утвержденном распоряжением Правительства РФ от 25.08.2021 № 2360-р «О внесении изменений в рас-

поряжение Правительства Российской Федерации от 3.08.2020 г. № 2027-р» («Собрание законодательства РФ», 30.08.2021, № 35, ст. 6379) п. 17 предусмотрено внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части расширения форм гражданско-правовой ответственности за необоснованное прекращение доступа к контенту в цифровой среде. Внесение изменений запланировано на июнь 2023 г., ожидаемый результат: «введение возможности истребования компенсации с лица, необоснованно инициировавшего блокировку контента, размещенного в цифровой среде, как альтернатива существующей в настоящее время возможности возмещения убытков».

Введение самостоятельной меры ответственности за незаконную блокировку контента, безусловно, положительное изменение, однако, представляется, что параллельно требуется более тщательная проработка механизмов применения такой блокировки, поскольку описанные выше проблемы законодательства демонстрируют необоснованность отнесения ряда блокировок к числу незаконных. Эффективность презюмируемой защиты чести, достоинства и деловой репутации в указанных условиях обеспечена недостаточно.

Способы разрешения выявленного дефекта законодательства включают способы устранения и способы преодоления дефекта. Способы устранения, как ранее было обозначено, предполагают окончательное разрешение дефекта, а способы преодоления позволяют разрешить лишь конкретный практический случай.

Выделены два способа устранения выявленного дефекта законодательства.

Первый – обязательная регистрация информационного источника, если речь идет о ресурсе в сети Интернет, то – его национального домена, во внутригосударственных специализированных системах. Подобное предложение ранее озвучивалось в работах ряда авторов [4], которые под такой регистрацией понимают обязательную сертификацию сайта, в рамках которой будет фиксироваться информация о его правообладателе.

Второй способ – включение в п. 5 ст. 15.1 Федерального закона «Об информации» нового основания для ограничения доступа к информационному источнику: вступления в законную силу вынесенного в порядке особого производства судебного акта о признании распространенных сведений недостоверными и порочащими. Одновременно следует внести соответствующие изменения в ст. 152 Гражданского кодекса РФ в форме прямого указания на такой способ защиты права, как ограничение доступа к информационному источнику-распространителю, на основании судебного акта, вынесенного в порядке особого производства.

Способом преодоления выявленного дефекта законодательства является применение права на забвение, предусмотренного ст. 11 Федерального закона «Об информации», под которым в данном случае понимается право на исключение из результатов поиска поисковой системы источников, в отношении которых лицо получило то самое решение суда, вынесенное в

порядке особого производства. То есть речь идет о том, что пользователи сети Интернет более не смогут получить доступ к информации, если у них нет точного адреса нужной страницы сети Интернет.

Представляется, что рамках рассмотрения дефектов реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации, упоминания заслуживает также дефект, заключающийся в неединообразном применении судами понятий «фактуальная» и «субъективная» информация, а также ситуаций, когда лицо лишено правовой защиты, поскольку текст формально во все не содержит фактуальной информации (автор может искусно использовать формулировки, воспринимаемые в судебной практике как маркеры выражения субъективного мнения, но создавать при этом у читателя четкое впечатление об описываемых предположениях и прогнозах как об имевших место фактах). О подобных действиях, которые можно рассматривать на наличие признаков в них обхода закона, в частности, говорится в трудах Г.С. Иваненко [2, 3].

Представляется, что в данном случае, оценивая распространенную информацию формально как субъективную, законодатель все же должен предусмотреть возможность реализации лицом, в отношении которого такая информация распространена, права на опровержение сведений, если суд установит, что информация формирует у читателя впечатление о том, что описанные в спорном материале обстоятельства имели место в действительности. Последнее обстоятельство может быть доказано при помощи социологического опроса, заключения специалиста, экспертного заключения.

Возвращаясь к ранее упомянутому в качестве способа преодоления первого описанного дефекта реализации права – праву на забвение – следует отметить, что применение указанного способа также сопряжено с некоторой дискретностью права. В частности, в процессе применения права на забвение проявляется очередной дефект реализации защиты прав, нарушенных в информационном пространстве – правовая неопределенность критериев оценки информации, представляющей общественный интерес.

Дело в том, что критерий «общественный интерес» является определяющим при принятии поисковой системой решения о возможности удовлетворить заявление лица о реализации «права на забвение» в отношении неактуальной информации либо информации, утратившей значение для заявителя. Если информация признается представляющей общественный интерес, то в реализации права на забвение отказывают.

Отсутствие на сегодняшний момент законодательного определения данного критерия является причиной для безграничного усмотрения поисковых систем при решении данного вопроса. Бесспорно, это является негативным фактом, требующим устранения.

Указанный дефект даже более иллюстративен в контексте обозначенной задачи по поиску баланса между правом на свободу слова и иными гарантированными законодателем правами. В данном случае речь идет о рисках нарушения права на частную жизнь.

В доктрине существует некоторое количество трудов, раскрывающих понятие общественного интереса [1, 6], в том числе в контексте поиска баланса между общественным и частным интересом [5].

Однако в результате анализа указанных и иных источников следует заключить, что не все из них рассматривают категорию общественного интереса в том смысле, который интересен для решения вопроса о возможности применения права на забвение.

В частности, Д.А. Туманов определяет общественный интерес как «интерес в существовании некоего блага, которое имеет для общества в целом или отдельных социальных групп определенное значение» [6. С. 443].

Представляется, оперирование понятием «благо» при оценке информации как общественно интересной не вполне оправдано. Более подходит для понимания данной категории разъяснение, опубликованное на официальной странице Роскомнадзора в сети Интернет, в котором указано, что к общественным интересам следует относить «не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде... Судам необходимо проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В то время как в первом случае средства массовой информации выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли они не играют».

В данном толковании предпринята попытка разграничить публичный интерес читателей и частные интересы лица, в отношении которого распространена информация, т.е. установить критерии того самого баланса между реализацией конкурирующих между собой прав и свобод, о необходимости поиска которого говорилось выше. Аналогичное разграничение, представляется, должно найти отражение в действующем законодательстве.

Следует заключить, что дискретность законодательства, регулирующего защиту гражданских, предпринимательских прав в информационном пространстве, может быть преодолена путем использования существующих правовых инструментов, однако устранение дефектов, образующих названную дискретность, – одна из важных задач законодателя на ближайшую перспективу.

Список источников

1. Галкин В.И. Категория публичных интересов в гражданском законодательстве // Социально-политические науки. 2019. № 5. С. 112–116.
2. Иваненко Г.С. Язык как исток, объект и средство реализации права (взаимодействие языка и права) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития. Очерки / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2006. С. 501–518.

3. Иваненко Г.С. Текстовые тактики ухода от правовой ответственности при реализации стратегии дискредитации // Вестник Костромского государственного университета им Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19, № 4. С. 134–137.

4. Морозов С.С., Тютюнник В.С. Способы защиты интеллектуальных прав в информационном пространстве // Научный журнал «Студенческий». 2019. № 20 (64). С. 57–59.

5. Сойфер Т.В. Частные и публичные интересы: проблемы квалификации // Новое гражданское законодательство: баланс публичных и частных интересов : материалы для VII ежегод. науч. чтений памяти проф. С.Н. Братуся. М. : Ин-т законод. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 25–39.

6. Туманов Д.А. Что такое общественный интерес, и кто обладает правом на обращение в суд в его защиту // Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается : сб. ст. М. : Проспект, 2017. С. 44–461.

7. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 4 июля 2018 г. по делу № 2-6037/2018. Документ опубликован не был. URL: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=358217282&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 29.06.2022).

References

1. Galkin, V.I. (2019) Kategoriya publicnykh interesov v grazhdanskom zakonodatel'stve [The category of public interests in civil legislation]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 5. pp. 112–116.

2. Ivanenko, G.S. (2006) Yazyk kak istok, ob"ekt i sredstvo realizatsii prava (vzaimodeystvie yazyka i prava) [Language as a source, object and means of implementing law (interaction of language and law)]. In: Romashov, R.A. & Nizhnik, N.S. (eds) *Yurisprudentsiya XXI veka: gorizonty razvitiya. Ocherki* [Jurisprudence of the 21st century: Horizons of development. Essays]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 501–518.

3. Ivanenko, G.S. (2013) Tekstovye takтики ukhoda ot pravovoy otvetstvennosti pri realizatsii strategii diskreditatsii [Text tactics of avoiding legal responsibility in the implementation of the discrediting strategy]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im N.A. Nekrasova*. 19(4). pp. 134–137.

4. Morozov, S.S. & Tyutyunnik, V.S. (2019) Sposoby zashchity intellektual'nykh prav v informatsionnom prostranstve [Ways to protect intellectual property rights in the information space]. *Studencheskiy*. 20(64). pp. 57–59.

5. Soyfer, T.V. (2012) Chastnye i publichnye interesy: problemy kvalifikatsii [Private and public interests: problems of qualification]. In: *Novoe grazhdanskoe zakonodatel'stvo: balans publichnykh i chastnykh interesov* [New civil legislation: balance of public and private interests]. Proc. of the Seventh Readings. Moscow: Institute of Law and Comparative Jurisprudence under the Government of the Russian Federation. pp. 25–39.

6. Tumanov, D.A. (2017) Chto takoe obshchestvennyy interes, i kto obladaet pravom na obrashchenie v sud v ego zashchitu [What is the public interest, and who has the right to apply to the court in his defense]. In: *Sluzhenie pravu. Pamyati professora V.A. Tumanova posvyashchaetsya* [Service to Law. In memory of Professor V.A. Tumanov]. Moscow: Prospekt. pp. 44–461.

7. Russian Federation. (2018) *Reshenie Odintsovskogo gorodskogo suda Moskovskoy oblasti ot 4 iyulya 2018 g. po delu № 2-6037/2018. Dokument opublikovan ne byl* [Decision of the Odintsovo City Court of the Moscow Region dated July 4, 2018 in Case No. 2-6037/2018. The document has not been published]. [Online] Available from: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=358217282&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (Accessed: 29th June 2022).

Информация об авторе:

Портянова П.Д. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: ivapola@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.D. Portyanova, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: ivapola@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 14.03.2023.*

*The article was submitted 22.01.2022;
approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 14.03.2023.*